

Человек и природа в повести А. Адамовича "Последняя пастораль"

Русская литература последних лет все чаще обращается к общечеловеческим проблемам: человек и его место в этом мире, конечность человека и конечность вселенной; в литературе все чаще появляются эсхатологические мотивы популярными становятся мифологические образы (образ распятого Христа) и т.д.

Современная литература как бы оглядывается назад, обращается к опыту прошлого; идет переоценка ценностей, и чаще всего мы обращаемся к XVIII веку, к веку Просвещения, и находим там много общих с нами проблем.

Центральными проблемами Просвещения являются взаимоотношения человека и общества, частного и общего, роль культуры в жизни общества, роль цивилизации.

В настоящее время человечество как бы зашло в тупик в своих взаимоотношениях с окружающим миром, с природой; мы уже больше не наступаем на природу, а отступаем, пытаемся сохранить то, что осталось.

Начиная с 20-30-х годов XX века наша отечественная литература; воспевала гигантские стройки, грандиозные проекты, которые основывались на нашем знаменитом лозунге "Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача". Все это в конце концов и привело страну к опустошению и экологической катастрофе. "Что скрывать, это была война, еще одна гражданская война против собственных полей и рек, ценностей и святынь, которая, перекидываясь с местности на местность, длится до сих пор и, как в любой войне, прежде всего гибло и гибнет в ней "ее самое лучшее", — писал Валентин Распутин.

Валентин Распутин в числе других писателей указал на опасность, нависшую над

природой и человечеством: “Три опасности уничтожения человечества существуют сегодня в мире: явная, экологическая и опасность, связанная с разрушением культуры...”

“Защита родной земли от разорения и гибели, природы — от хищнического уничтожения и разграбления, людей — от нравственного одичания и утери исторической памяти — проблемы эти, разрабатываемые ранее в художественных образах, стали нынче болью и проникновенным защищающим словом страстного трибуна...”, — так характеризует сегодняшнюю позицию писателя критик Николай Котенко.

Человек в XX столетии вычленил себя из окружающего мира природы, встал над ней, тем самым прорвав с ней кровную связь, забыв предостережения и заветы мыслителей прошлого: наблюдать природу и следовать теми путями, которые она прокладывает; слушаться природу, которая никогда себе не противоречит. Только законы природы неизменны, всеобщы, неотменимы, только они определяют судьбы человеческого рода. Знаменитые философы эпохи Просвещения Жан Жак Руссо, Дени Дидро и др. считали, что человеческие законы справедливы лишь тогда, когда они соответствуют природным законам. Они отмечали теснейшую связь субъекта познания — человека — и его объекта — природы. Изучая себя, человек изучает внешний мир и наоборот. Здесь, с одной стороны, новые истины добываются на пути осознания человеком своей тождественности с природой, своей причастности к ее работе; с другой стороны, сравнивая свои качества и силы с “качествами” и “силами” природного мира, человек глубже познает “натуральные законы” своей собственной сущности, свои возможности, “слабости” и “могущество”, свои “естественные права”.

“XXI век должен стать веком гуманитарным, обращенным к человеку, человеческим ценностям. Техника уже зашла в тупик, она уже начинает съедать самое себя. Мы сможем технически развиваться только в том случае, если поддержим гуманитарные науки” (Д.С.Лихачев). Гуманизации, гуманитаризация общества тесно связаны с гуманным отношением к природе, культурным ценностям. Появилось новое направление в науке — экология культуры. Человек издавна понимал природу не только как среду обитания, но и как источник прекрасного. “Целительная сила природы хорошо известна” (Д. С. Лихачев).

Однако события последних лет показывают, насколько близка к исчезновению, разрушению, уничтожению наша биологическая и культурная среда! Вот почему в литературе и публицистике последних лет все чаще звучат эсхатологические мотивы,

появляются романы-предупреждения, вообще произведения, которые Алесь Адамович в силу особенности их тематики предлагает назвать “сверхлитературой”, считая, что на исходе века писатели “... должны создавать что-то, адекватно противостоящее сверхсмертям, сверхубийствам, заложенным в сверхоружии ... А какая получится литература из этого, не знаю. Я назвал бы это даже не публицистическим заострением — я назвал бы это поиском новой художественности, новой эстетической системы”.

Примером такого произведения и является повесть самого А. Адамовича “Последняя пастораль”. Названием повести писатель обращает нас в прошлое, к литературе Возрождения, Просвещения, к жанру изящного пасторального романа о любви, но эпитет “последняя” возвращает читателя к тревожному и даже трагическому настоящему. На этом контрасте построено все произведение. Прекрасные картины, картины любви, но это последнее, что осталось на Земле; страшные картины гибели мира, и опять трогательно-щмящий эпилог: прощание с этим миром и надежда на то, что любовь вечна.

Герои повести абстрагированы, нарочито обобщены, лишены индивидуальности, даже имен: Он, Она, Третий.

В Ней — Всеженщине — обобщено, сконцентрировано женское начало, ее прекрасный женский облик навеян герою боттичеллиевской Венерой, женская изменчивость подчеркивается неуловимой, не поддающейся определению национальной принадлежностью и удивительной способностью произносить слова любви на разных языках. Просыпаясь, она может быть парижанкой, англичанкой, африканкой — Всеженщиной.

“Когда она так одета, а медовые волосы пчелами вьются-летают вокруг прекрасного лба и длинно падают по шелковистому голубому морю, а в лице такая оживленная и счастливая скромность совершенства (боттичеллиевская!), никакая война, никакая смерть не кажутся случившимися окончательно. Вместе с Красотой, собою занятой, по-детски уверенной в своем бессмертии, ты тоже скользишь, сползаешь в мир, как бы все существующий”.

По мысли автора, задача Женщины — возродить род людской (новая Ева), но в конце повести Она из символа Любви и Красоты превращается в символ Смерти, разрушаясь, распадаясь на глазах у героя. Красота и Любовь не могут спасти мир, они гибнут сами.

В повести смоделирована еще одна ситуация из русского классического романа — испытание героя любовью. Женщина выносит свой приговор сильной половине рода человеческого: мужчины — все каины, предавшие Красоту, Любовь, жизнь детей и собственную жизнь, не желающие прислушаться к голосу разума, к голосу природы, инстинкту самосохранения рода — и вот: Она “... повела рукою в сторону, где кончается наш остров, наш непонятно как существующий мир. Там, в кипящей от молний и штормов, заледеневшей саже погребено все — и правота одних и неправота других, все истины, все идеи, все слова. И вот эти тоже, хотя из книги, называвшейся Вечной: мене, текел, перес. Ты взвешен на весах и найден очень легким. Исчислил Бог царство твое и положил конец ему...”

Повествование, построенное на контрасте, держит читателя в постоянном напряжении. Пасторальные идиллические любовные сцены сменяются политическими спорами представителей двух враждующих сторон в последней на Земле войне, к спорам, которые здесь, на этом клочке чудом уцелевшего мира, разрешаются не вспышкой ненависти, а примирением и смехом. (“Вот бы раньше так рассмеяться!”) И примиряет героев повести то, что они в эти последние мгновенья своего существования поняли самое главное, осознали свое родство и свое одиночество во Вселенной, они как люди, которые “... встретились в далеком Космосе, состыковали свои аппараты” и говорят о своей родной, прекрасной и далекой Земле. “Про то, как много на ней всего и как все отрегулировано на тысячи и тысячи лет счастливой жизни, на миллионы лет для сотен тысяч поколений: воздух и вакуум, вода и огонь, свет и тьма... Но главное — сколько всего лишнего, вроде бы необязательного, но без того и самое необходимое будет пресным, сколько на Земле всего, что не загрузишь, не возьмешь, неприхватишь, в самую вместительную ракету или подлодку, не запасешь впрок и что потом в снах видишь — самое “ненужное”, “необязательное” как раз и видишь. Роса до колен; холод в мокром еловом лесу; ... дышащий постоянным холодом ледник; сладко прилипающий в ноздрях, в глотке степной мороз ... И люди, люди, тысячи случайных надоевших, мешающих, не знающих куда от них убежать, уединиться, — но это лишь когда они есть, окружают, теснят и когда знаешь, уединившись, что они где-то там. В этом все дело — знать, что они есть”.

“Последняя пастораль” А. Адамовича не оставляет у читателя чувства обреченности. Наоборот, она побуждает к действию, необходимости найти выход, остановить это разрушение, уничтожение всего: культуры, нравственности, красоты, самой Земли, наконец.

Современная русская литература, развивая и продолжая традиции мировой

литературы, вновь обращается к человеческому Разуму, к утверждению человеческого духа вопреки бесчеловечности мира; обращается "... к Первоисточнику, не вопреки Природе, а в согласии с ней". И ценность современной литературы не только в отрицании, разоблачении, а в размышлении, осмыслении происходящего.